

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

*А.В. Антошин
(Екатеринбург)*

Проблемы общественно-политического и культурного развития Урала после Великой Отечественной войны в творчестве ученицы В.Г. Чуфарова Н.Ф. Муравьевой

Научная школа, которую возглавлял В.Г. Чуфаров, – явление, уже привлекавшее внимание исследователей. Вместе с тем, основной акцент обычно делается на творчестве наиболее видных учеников профессора. В результате, из поля зрения уходят те рядовые исследователи, которые и делали эту школу крупным явлением в уральской исторической науке 1970–1980-х гг. Нельзя не обратить внимание, например, на творчество Н.Ф. Муравьевой, которая специализировалась на изучении весьма сложной проблемы – общественно-политического и культурного развития Урала после Великой Отечественной войны.

Надежда Федоровна Муравьева, на наш взгляд, пришла к исследованию данной проблемы неслучайно. Ее сложный путь в науку уже становился предметом специального изучения¹. Думается, следует обратить внимание на то, что Н.Ф. Муравьева сама пережила этот непростой – послевоенный – период в истории нашей страны. Именно на послевоенные годы пришлось ее формирование как личности. Надежда Федоровна, наверно, лучше, чем молодые исследователи, видит все светлые и мрачные стороны последнего сталинского десятилетия.

Крупнейшим трудом Н.Ф. Муравьевой стала ее кандидатская диссертация, защищенная в 1978 г.² В те годы это сочинение во многом было новаторским, поскольку немногие отваживались исследовать эпоху, которая лишь недавно стала историей. Большинство тех, кто читал и оценивал работу Н.Ф. Муравьевой, сами являлись свидетелями событий, имели собственную точку зрения на протекавшие в стране процессы. Это делало задачу исследовательницы еще более сложной.

Н.Ф. Муравьевой удалось показать сложную, противоречивую картину жизни послевоенного Урала. Работа, на наш взгляд, получилась не пропагандистской, а подлинно научной, несмотря на специфику тех условий, в которых приходилось работать автору. Ей удалось создать образ края, только что вышедшего из войны, показать все трудности, с которыми сталкивались партийные и государ-

ственные органы, а ведь именно на них была возложена нелегкая задача управления общественными процессами. Представленный Н. Ф. Муравьевой материал, думается, убедительно доказывает, что основные направления деятельности партийных организаций Урала в сфере народного образования объективно во многом отражали интересы населения региона, решали те проблемы, которые в тех условиях вынуждена была бы решать любая власть. Заметим, что и приведенные автором данные, и сама жизнь показали, что партийным организациям удалось добиться позитивных результатов своей деятельности: ведь именно в описанный Н. Ф. Муравьевой период четвертой пятилетки было воспитано целое поколение достойных граждан нашей страны, честно трудившихся на благо Родины. Представителем этого поколения является и сама Надежда Федоровна.

При этом, нельзя не отметить, что в своей кандидатской диссертации Н.Ф. Муравьева не стеснялась говорить и о недостатках в системе советского народного образования в послевоенный период. Не обо всем, очевидно, можно было написать, поскольку автор вынуждена была следовать за источниками, большинство из которых представляло собой отчетную документацию, имевшую стандартный формуляр. Тем не менее, Н.Ф. Муравьева открыто полемизировала с ленинградским историком М.М. Сысоевым, свердловскими исследователями О.Н. Грачевой и З.Д. Цыпиной, которые «преувеличивали достижения партийных организаций» в развитии школы на Урале. Более того, молодая в те годы исследовательница подвергла критике даже столь известный коллективный труд, как вышедшую в середине 1960-х гг. «Культурную революцию на Урале»³.

Нельзя не отметить, что работа Н.Ф. Муравьевой была основана на достаточно внушительной источниковой базе, представленной материалами 35 фондов 7 архивохранилищ страны. Именно тщательная работа с источниками позволила диссертантке обнаружить в них факты, которые указывали и на недостатки в работе отдельных партийных организаций Урала. Упомянуто, например, о том, что некоторые из них «свели руководство школами к рассмотрению хозяйственных вопросов», зачастую были формально организованы семинары секретарей парторганизаций⁴. Анализируя источники, Н.Ф. Муравьева делала вывод и о том, что в работе комсомольских и пионерских организаций так же «оставалось много шаблона»⁵.

Читая труд Н.Ф. Муравьевой, современный преподаватель не может не поразиться актуальности тех проблем, которые были ею подняты. Сама ставшая прекрасным методистом, Надежда Федоровна указывала на те проблемы в процессе обучения, о которых говорят и сейчас: «Школьников не приучали к самостоятельной работе с учебниками, с дополнительной литературой, поэтому они не умели

делать выводы и обобщения»⁶. Заметим, что, говоря о содержании школьного курса истории, который читался во второй половине 1940-х гг., Н.Ф. Муравьева не побоялась заметить, что на уроках «несколько утрированно изображалось развитие капиталистического мира»⁷. Естественно, она при этом опиралась на представленные партийными органами аналитические материалы, но заслугой исследовательницы является то, что она не стала игнорировать подобные замечания, которые могли вызвать полемику с рецензентами.

После успешной защиты кандидатской диссертации Н.Ф. Муравьева не прекращала заниматься научной работой. Она затрагивает новые аспекты проблемы истории народного образования на Урале, связывает их с деятельностью советских органов. Будучи сама по натуре творческим человеком, она не могла не обращать внимание на элементы бюрократизации, которых было немало в работе органов народного образования. Так, в одной из своих статей она указывала, что в организации внеклассной работы со школьниками было немало недостатков: «росло количество проводимых мероприятий и не всегда учитывалась их целесообразность. Нередко в них участвовали одни и те же школьники, главным образом комсомольский и пионерский актив, что мешало их учебе»⁸. Отнюдь не преувеличивались ею и достижения советской школы в области художественного воспитания учащихся. Указывая на объективные проблемы, с которыми сталкивались организаторы этой работы (нехватка кадров и т. д.), Н.Ф. Муравьева отмечала, что уровень художественного воспитания советских школьников «не мог считаться достаточным»⁹.

Конечно, Н.Ф. Муравьева никогда не была лишь «кабинетным исследователем». Ее всегда прежде всего привлекала работа с людьми, решение их конкретных проблем. Многие годы она активно занималась общественной работой. Как отмечалось в упомянутой выше статье ее коллег по кафедре В.Г. Чуфарова, С.М. Верзилова и С.С. Козьмина, «особенно ярко ее организаторские способности развернулись после избрания ее в члены парткома университета»¹⁰. Возглавляя сектор лекционной пропаганды, она многое сделала для повышения уровня лекторской работы в университете. В 1987 г. Н.Ф. Муравьеву избрали членом Октябрьского райкома КПСС.

Символичен, на наш взгляд, тот факт, что достижение новой вершины Надеждой Федоровной совпало с началом процесса демократизации советского общества. Такой человек, как она, ищущий, всегда готовый к переменам, не мог не быть востребован в эту эпоху. «Ветер перемен» оказал влияние и на содержание научной работы Н.Ф. Муравьевой. Его дуновение ощущается, например, на страницах опубликованной в 1989 г. статьи Н.Ф. Муравьевой, написанной в соавторстве с Л.П. Мироновой и Т.М. Белогуровой. Уже в начале статьи, объясняя новое обращение к теме партийного руководства идей

но-политическим воспитанием студентов после серии работ, вышедших в 1970-е – начале 1980-х гг., авторы отмечали, что «в наше время отношение к цели исследования кардинально меняется, поэтому необходимо дальнейшее осмысление проблемы»¹¹. И само содержание данной статьи показывает, что подходы Н.Ф. Муравьевой и ее коллег к рассматриваемой проблеме начали корректироваться. Уже гораздо более определенно отмечается, что многие партийные документы эпохи «способствовали усилению формализма и заорганизованности в воспитательной работе»¹². Впрочем, заметим, что речь не шла о механической смене оценок с положительных на отрицательные: на подобные факты, как было показано выше, Н.Ф. Муравьева указывала и задолго до начала перестройки М.С. Горбачева.

При анализе этой и других статей Н.Ф. Муравьевой, написанных еще в советскую эпоху, бросается в глаза и то, что она никогда не игнорировала антропологический фактор в историческом процессе. В 1990-е гг. отечественные специалисты в области методологии истории стали постоянно указывать на то, что в центр истории необходимо ставить человека. Однако в работах Н.Ф. Муравьевой и ранее деятельность партийных организаций показывалась через призму работы их конкретных руководителей. Это, на наш взгляд, вело к тому, что на страницы работ исследовательницы вместе с живыми людьми врывалась и сама эпоха, символами которой были эти люди. Из-за сухих цифр о количестве проведенных со студентами УрГУ мероприятий вставляли, например, фигуры секретаря комитета комсомола университета А. Селезневой, пришедшего с фронта А.А. Петерюхина и других людей, с которыми ассоциируется целая эпоха¹³. На эту эпоху пришлась юность студентов нашего вуза первых послевоенных лет. Так Н.Ф. Муравьева воплощала принципы познания прошлого, которые отстаивал один из ее любимых историков – В.О. Ключевский, который призывал не забывать о роли личности в историческом процессе.

Исторический перелом начала 1990-х гг. оказал огромное воздействие не только на отечественную историческую науку в целом. Автором данной статьи уже было показано, как эти изменения наносили сокрушительный удар по судьбам конкретных людей, известных на Урале историков¹⁴. Однако, многое, очевидно, зависело и от готовности человека к переменам, к постоянной работе над собой, содержанием читаемых студентам лекций. Н.Ф. Муравьевой удалось, на наш взгляд, успешно пройти через все те испытания, которые выпали на долю историков КПСС после 1991 г. В 1990-е гг. она – один из ведущих преподавателей общеуниверситетской кафедры всеобщей истории, принимала активное участие в формировании исторического сознания у целого поколения уральских журналистов, определявших лицо средств массовой информации региона

в эпоху перемен. В конце 1990-х гг. Н.Ф. Муравьева занимала и пост заместителя заведующего кафедрой всеобщей истории.

Результаты трудного процесса переосмысления прошлого, который пережила Н.Ф. Муравьева в 1990-е гг., на наш взгляд, особенно заметны в ее статье, посвященной изменениям в общественно-политической жизни, быте и культуре населения Урала в первое послевоенное десятилетие¹⁵. Опираясь на новые публикации, она смогла показать эту сложную эпоху – время надежд на изменение жизни к лучшему, переживаемых вышедшим из войны поколением советских людей. Указала она и на то, как власть отреагировала на эти надежды, как воспринимались ею творческие поиски прошедших фронт молодых уральцев, ставших студентами УрГУ. И вновь на страницах ее работы встают живые портреты символов послевоенного Уральского университета, таких, как прошедший через немецкий плен С.В. Захаров, ставший впоследствии известным на Урале краеведом, одним из руководителей редакции журнала «Урал».

Сама прошедшая мучительный процесс переосмысления прежних установок, Н.Ф. Муравьева в 1990-е гг. обращалась в своих работах и к теме трудных судеб своих коллег, историков КПСС, для многих из которых рубеж 1980–1990-х гг. стал переломным. Среди ее лучших статей, на наш взгляд, – небольшая заметка о драме ее учителя, В.Г. Чуфарова, который предстает в ней как сложная личность, ученый, который «мучительно искал и не смог найти выход из тех противоречий (для нас важно, что он искал...), в которые его поставили и жизнь, и время»¹⁶.

Реализовала ли Н.Ф. Муравьева свой научный потенциал полностью? Наверно, нет. К сожалению, из под ее пера пока не вышло хотя бы небольшой статьи, посвященной хрущевской «оттепели» – а ведь именно она, «человек XX съезда», сформировавшийся в эту эпоху, своей жизнью выражающий тот ветер перемен, потенциал обновления, который несла в себе оттепель, лучше многих может написать о том времени. Но главное, что Надежда Федоровна остается не просто ветераном, а важнейшим системообразующим элементом, генератором новых идей той кафедры Уральского университета, которой она отдала более 35 лет своей жизни. И кто знает, если бы не ее удивительная способность воспринимать все новое, удержалась бы ее родная кафедра на очередном историческом повороте...

Примечания

¹ Чуфаров В., Верзилов С., Козьмин С. Логика ее жизни // Уральский университет. 1988. 26 сентября.

² Муравьева Н.Ф. Деятельность партийных организаций Урала по развитию общеобразовательной школы в годы четвертой пятилетки (на материалах партийных организаций Свердловской и Челябинской областей): Дис... канд. ист.наук. Свердловск, 1978.

- ³ Там же. С. 12, 16.
⁴ Там же. С. 23, 26.
⁵ Там же. С. 145.
⁶ Там же. С. 120.
⁷ Там же. С. 123.
⁸ Она же. Деятельность партийных организаций Урала по коммунистическому воспитанию учащихся во внеучебное время (1946–1950) // Партийные организации во главе культурного строительства. Свердловск, 1985. С. 103.
⁹ Там же. С. 108.
¹⁰ Чуфаров В., Верзилов С., Козьмин С. Указ. соч.
¹¹ Белогурова Т.М., Миронова Л.П., Муравьева Н.Ф. Из опыта партийного руководства идейно-политическим воспитанием студентов Урала (1946–1950) // Деятельность партийных организаций Урала по коммунистическому воспитанию трудящихся. Свердловск, 1989. С. 86.
¹² Там же. С. 87.
¹³ Там же.
¹⁴ Антошин А.В. Проблемы истории революционного и либерального движения в России в творчестве Г.А. Дробышева // Россия и мир: история и историография. Екатеринбург, 2006. Вып. 1. С. 186–189.
¹⁵ Муравьева Н.Ф. О некоторых изменениях в общественно-политической жизни, быте и культуре населения Урала в 1945–1955 гг. // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 148–151.
¹⁶ Она же. Драма ученого // Интеллигенция России в конце XX в.: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998. С. 166.

*К.А. Блохин
(Ижевск)*

Этническая демография Удмуртии в конце XVIII – начале XX вв. (историография вопроса)

Трудно переоценить то значение, которое имеет вопрос историографии для глубокого понимания заявленной темы. Недостаточное освещение данного вопроса в трудах многих ученых, а также актуальность и повышенное внимание к демографическим проблемам в современной России в целом, да и в Удмуртии в частности заставляет еще раз обратиться к данной теме.

В настоящее время, благодаря публикации В.В. Напольских дневниковых записей Д.Г. Мессершмита, относящихся ко времени (1726 г.), когда последний проезжал по территории расселения северных удмуртов, стало очевидно, что немецкий ученый был первым исследователем, отметившим существование у удмуртов объединения калмез... К сожалению, в силу ряда причин дневниковые записи Д.Г. Мессершмита долгое время оставались не востребовавшими¹.

Во второй половине XVIII в. впервые возник широкий научный интерес к истории и этнографии народов, населяющих территорию современной Удмуртии.